

РАЗМЕЩЕНИЕ ЭВАКУИРОВАННОГО ОБОРУДОВАНИЯ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ: ЦЕНА ОДНОЙ ОШИБКИ (1941 г.)

Беспримерной в мировой истории, поистине героической и драматической эпопеей явилось массовое перемещение в первый период Великой Отечественной войны из угрожаемых районов СССР на Восток населения, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, культурных и научных учреждений. Осуществленная в Советском Союзе эвакуация по своим масштабам и срокам была уникальной производственной операцией. Из 1523 заводов, перебазированных на Восток в июле–ноябре 1941 г., более 600 предприятий было направлено на Урал¹.

После оккупации фашистскими войсками Украины и прекращения работы металлургических заводов в центре страны на Урал легла основная тяжесть по снабжению военно-промышленного комплекса металлом. Новотагильский металлургический завод, введенный в строй действующих ровно за год до начала войны, явился уникальной площадкой для размещения и ввода в эксплуатацию эвакуированного сложного металлургического оборудования.

Спустя несколько дней после начала войны в Свердловск прибыл заместитель председателя Совнаркома СССР, нарком среднего машиностроения СССР В.А. Малышев. В своем вагоне Малышев провел совещание, в котором приняли участие первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Андрианов и секретарь обкома по черной металлургии А.Б. Аристов. Выяснилось, что Малышев приехал с принятым 25 июня решением Политбюро ЦК ВКП(б) о размещении на Новотагильском заводе толстолистового прокатного стана для производства танковой брони. На Кировском заводе в Ленинграде уже спешно вели его демонтаж и грузили в вагоны.

Установить толстолистовой стан и наладить на нем прокат брони предстояло в немыслимо короткие сроки – в пять раз быстрее по сравнению с самыми жесткими нормами мирного времени. «Срок нам устанавливался кратчайший – показалось, я ослышался: два месяца, – вспоминал позже Аристов. – Требовалось за это же время построить еще одну мартеновскую печь, печи для нагрева слитков и термической обработки брони. В те же жесткие, установленные правительством сроки, – два месяца»².

Ответственность за ввод стана была возложена на заместителя народного комиссара черной металлургии Павла Ивановича Коробова. Аверкию Борисовичу Аристову, как секретарю обкома по черной металлургии, Андрианов поручил на месте оперативно содействовать выполнению этого задания всеми силами и ресурсами области.

Выбрать и подготовить площадку для броневоего стана Коробову с ведущими специалистами Наркомчермета и Аристову предстояло за тот

отрезок времени, пока шел его демонтаж и доставка из Ленинграда в Нижний Тагил. То есть время для раздумий было крайне ограничено.

Разместить и запустить сложное металлургическое оборудование с наименьшими временными затратами можно было только в однородных цехах. Единственным представителем прокатного производства на заводе был бандажный цех. По приблизительным расчетам габариты как самого цеха, так и фундамента действовавшего бандажного стана вполне подходили для толстолистового, а потому не нужно было тратить колоссальное время и силы на строительство специального корпуса и нового фундамента. Производство вагонов на Уралвагонзаводе как раз в это время свертывалось, из чего сделали вывод, что необходимость в прокатке железнодорожных бандажей отпала.

Чрезвычайные условия, стремление, во что бы то ни стало уложиться в установленные сроки продиктовали решение сложной проблемы: установить броневой стан на месте бандажного. Руководители Наркомчермета и обкома ВКП(б) полагали, что им удалось найти идеальный вариант³.

Принятое ими решение нашло отражение в подписанном 1 июля 1941 г. В.М. Андриановым постановлении бюро Свердловского обкома ВКП(б) «О производстве брони и танков КВ». Данный документ, оформленный под грифом «особая папка», дублировал постановление Политбюро ЦК от 25 июня относительно броневого стана Кировского завода. С той лишь разницей, что в решении бюро обкома было указано будущее месторасположение стана в стенах НТМЗ, а также возложена ответственность за его установку, помимо директора завода В.М. Овчаренко, на первого секретаря Нижнетагильского горкома партии М.И. Горбунова. Бюро обкома обязало их в срок до 1 сентября 1941 г. установить броневой стан в бандажном цехе НТМЗ⁴.

Директор Новотажинского металлургического завода Василий Моисеевич Овчаренко, в свою очередь, вызвал к себе начальника и старших мастеров бандажного цеха, и сообщил, что на днях из Ленинграда, с Кировского завода прибудет оборудование для толстолистового стана, установить который необходимо на место бандажного. Овчаренко дал указание: «Бандажный – демонтировать. Работу начать немедленно».

Известие о демонтаже бандажного стана болью отозвалось в коллективе прокатчиков. Некоторые не могли сдержаться слез. «Бандажка» была первенцем на заводе. Рабочие и инженеры приложили немало усилий по адаптации работы стана, изготовленного английской фирмой «Дэви», к условиям НТМЗ. «Легко сказать – демонтировать, взорвать, – вспоминала бывший начальник смены А.П. Дудина. – А для нас – что напополам себя перерезать»⁵.

Еще совсем недавно, за несколько дней до начала войны тот же П.И. Коробов дал указание об освоении на НТМЗ производства бандажей для паровозов серий ИС и СО из собственно выплавленной легированной стали. На ближайшие недели были запланированы подготовительные работы в бандажном и мартеновском цехах⁶. Но все планы перечеркнула начавшаяся война.

Для ускорения работ по демонтажу было принято решение организовать две смены по 12 часов. Бандажный стан прекратил свою работу еще до

решения бюро обкома, 28 июня, и в кратчайшие сроки, в течение недели, был произведен его демонтаж. Новый пресс усилием 3000 тонн был направлен на Уралмашзавод, часть мелкого оборудования (измерительные приборы, моторы и пр.) были переданы другим цехам НТМЗ. Оставшееся технологическое оборудование бандажного стана подлежало консервации на складах предприятия⁷.

Однако вскоре стало очевидным: Коробов и Аристов ошиблись в расчетах. По прибытии из Ленинграда толстолистового стана выяснилось, что подготовленное для него место не подходит, для фундамента бандажного стана он оказался слишком велик. Устанавливать броневого стан пришлось в другом пролете бандажепрокатного цеха.

Когда стало понятно, что фундаменты бандажного стана не годятся для толстолистового, поступил приказ об их подрыве. По всей вероятности, чтобы они не становились помехой при подготовке новых фундаментов. Правда, по какой-то причине приказ остался невыполненным: персонал цеха просто засыпал фундаменты землей из котлована, вырытого под броневого стан⁸.

Работы по монтажу броневого стана осуществлялись под руководством заместителя наркома П.И. Коробова, главного механика наркомата А.П. Горы и приехавших с ними специалистов. «Война заставила делать еще недавно считавшееся невозможным, — отмечает известный специалист по истории уральской индустрии, кандидат исторических наук С.В. Устьянцев. — Всего год назад попытки вести промышленное строительство комплексным «скоростным» методом имели в тресте «Тагилстрой» в лучшем случае частичный успех, а вот летом 1941 г. сложнейшая строительная операция прошла практически идеально». «Проектирование и рабочие чертежи выполнялись на месте, — вспоминал А.Б. Аристов. — Ускорение достигалось и за счет того, что многие работы велись параллельно. Рыли котлованы, а рядом, на бровке, вязали арматуру и готовили опалубку. Люди по несколько дней не уходили домой, немного передохнут — и продолжают работу. Если назвать, что было сделано тогда за два месяца, боюсь, многие не поверят. Я и сам порой себе не верю... Хотя бы один пример: за шесть смен в фундамент стана уложили три с половиной тысячи кубометров бетона. Почти вручную»⁹.

Параллельно с монтажом стана, нагревательных и отжигательных печей проводились работы по обеспечению газо-, водо- и энергоснабжения, усилению металлоконструкций здания цеха. «Сроки диктовали обстоятельства, — вспоминал Аристов. — Но части стана от этого не становились легче, удобнее при установке, коммуникации — короче, проводка источников энергии — проще». Высокую организацию работ по монтажу стана Аверкий Борисович ставил в заслугу специалистам Наркомата черной металлургии. На строительство прокатного цеха были направлена дополнительная рабочая сила. Непосредственным руководителям монтажа удалось загрузить всех, бездельничавшие не встречались. В случае если назревал простой, бригадиры обращались к А.П. Горе, П.И. Коробову и А.Б. Аристову¹⁰.

Успех, тем временем, обеспечивался не только высокой организацией, но и жесткими административными мерами. Для проверки выполнения графика работ и выработки экстренных мер по его обеспечению в соответствии с приказом по тресту «Тагилстрой» и Новотагильскому металлургическому заводу от 15 августа по окончании каждой смены – в 9 часов утра и в 9 вечера – проводились оперативные совещания. «Предупреждаем, что за невыполнение сменных заданий в полном соответствии с графиком работ, виновные в срыве работ по выполнению важнейшего правительственного задания будут привлекаться к строжайшей ответственности», – грозили директор НТМЗ Овчаренко и управляющий трестом Вишневский в совместном приказе. Но еще до выхода в свет данного приказа директор НТМЗ активно использовал имевшийся в его руках административный ресурс. Например, его приказом от 7 августа «за проявленную нераспорядительность при выполнении срочного заказа 3-го августа, чем вызвана задержка монтажа на площадке прокатного цеха», начальнику ремонтно-механического цеха завода П.И. Занину был объявлен выговор. Приказ гласил: «Предупредить тов. Занина, что за задержку в выполнении работ для монтажа прокатного стана в дальнейшем будут приняты более строгие меры». Позднее, 1 сентября Овчаренко снял с работы начальника бандажного цеха В.Е. Краснова с формулировкой «за безучастное отношение к строительству и пуску прокатного цеха». В тот же день «за срыв выполнения заказов для прокатного цеха и самовольное представление выходного дня в ремонтно-механическом цехе» заместитель главного механика завода П.Г. Чебанов был снят с работы, а начальнику цеха П.И. Занину был объявлен строгий выговор с предупреждением¹¹.

10 сентября 1941 г. на броневом стане были прокатаны первые листы. Опробование оборудования велось на углеродистой стали. «Надо ли говорить, как все были рады, – вспоминал Аристов. – Павел Иванович сразу же доложил Тевосяну, и мы знали, что тотчас это станет известно ГКО»¹².

Вместе с тем, фактическое состояние дел на Новотагильском заводе было далеко не радужным. Успехи новотагильских металлургов были серьезно омрачены целым рядом обстоятельств. Как показало время, демонтаж бандажного стана имел крайне негативные последствия. Острая нехватка бандажей стала угрожать железнодорожным перевозкам. Начавшиеся из США поставки бандажей не удовлетворяли потребностей железнодорожного транспорта ни по количественным показателям, ни по качественным. Американские бандажи не отвечали требованиям советского ГОСТа, не выдерживали суровых российских условий эксплуатации и на сильном морозе ломались. В начале сентября 1941 г. Наркомат путей сообщения СССР затребовал себе все оставшиеся на складах Новотагильского завода бандажи. Кроме того, специалисты определили, что на бандажном стане можно катать поворотные круги для башен танков – стальные «погоны», на которых устанавливались башни¹³.

Вышеуказанные обстоятельства обусловили необходимость экстренного возобновления на НТМЗ бандажепрокатного производства. Соответствующее

решение принималось на самом высоком уровне. Во второй половине ноября 1941 г. Новотагильский металлургический завод получил постановление Государственного комитета обороны о восстановлении бандажного стана. Необходимые распоряжения по реализации постановления ГКО отдал Наркомат черной металлургии. На восстановление и пуск стана ГКО отпустил меньше месяца, установив крайней датой 15 декабря¹⁴.

Василий Моисеевич Овчаренко через несколько дней после пуска броневое стан было назначено директором Кушвинского металлургического завода – небольшого, но весьма значимого для обороны страны. Работы по восстановлению «бандажки» выпали на долю его преемника – Федора Федоровича Рязанова, бывшего директора одного из лучших в стране предприятий Наркомата черной металлургии СССР – Криворожского металлургического завода¹⁵.

Кратчайшие сроки требовали принятия чрезвычайных мер. По приказу Ф.Ф. Рязанова был создан штаб строительства бандажного стана, который разместился в помещении заместителя начальника прокатного цеха. Ежедневно под председательством директора или начальника строительства проводились оперативные совещания, на которых проверялось выполнение посуленного графика работ. Филиал Гипромеза организовал круглосуточную работу по изготовлению рабочих чертежей. Высококвалифицированные «бандажные кадры» в экстренном порядке возвращались из других цехов. Бывший начальник бандажного цеха Краснов был «реабилитирован»: приказом директора завода он был назначен начальником бандажного стана – на особом счету находился каждый специалист. На заводских складах началась расконсервация оборудования стана. Пресс «3000», лишь недавно доставленный на Уралмашзавод, выехал обратно в Нижний Тагил¹⁶.

Единственное, что радовало заводчан, – все оборудование, – расконсервированное, возвращенное и новое, – можно было сразу устанавливать на уцелевшие по счастливой случайности фундаменты. Их предстояло лишь расчистить от земли.

Рязанов обязал все заводские цеха выполнять заказы для стана вне очереди. Основная тяжесть по восстановительным работам легла на прокатный цех, на территории которого устанавливался бандажный стан. И это притом, что прокатный цех сам находился в весьма тяжелом положении. Работа толстолистового стана после сдачи в эксплуатацию была далека от совершенства...

Первая авария на стане произошла на следующий день после его пуска – 11 сентября. Хотя для расследования была сформирована специальная комиссия, поломки следовали одна за другой. В конце сентября вышла из строя паровая машина, 12 ноября – пресс, в конце ноября дважды ломались прокатные валки¹⁷.

Искать первопричину нужды не было: стан был сильно изношенным – действовал с 1910 г. Наиболее уязвимым его местом являлась паровая двухцилиндровая машина мощностью шесть тысяч лошадиных сил, которую прокатчики ласково называли «Варварой». По мнению прокатчиков, за свой

долгий век «Варвара» не знала, что такое ремонт, и потому «не тянула». Особенно это стало очевидным с зимним похолоданием, когда пар, прорываясь через неплотности, густой пеленой заволакивал цех настолько, что ничего не было видно. Череда аварий на паровой машине понудили наркомат специально прислать в Тагил опытного специалиста. Уже в его присутствии накануне нового 1942 г. вновь произошла поломка машины, в результате которой стан простоял без малого сутки¹⁸.

В начале 1942 г. помощник начальника прокатного цеха обратился к главному механику завода: «Помощь нужна. Наша «Варвара» заболела. Чихает и чихает. Надо лечить» – «У меня и без тебя есть о чем заботиться, – зло ответил главный механик. – Варвару лечить! Слава богу, у нас и своих баб хватает...». Но, вникнув в суть дела, главный механик доложил руководству завода о необходимости капитального ремонта и реконструкции листового стана и его паровой машины. После тщательной подготовки экстренно были проведены сложные ремонтные работы, стан на это время был остановлен. Ремонт и реконструкция позволили нормализовать работу прокатного оборудования¹⁹.

Что же касается бандажного стана, то ценой невероятных усилий он был введен в строй несколькими днями позднее установленного ГКО срока: 18 декабря 1941 г. начала работу заводская комиссия по приемке смонтированного оборудования стана. Бандажи для железной дороги и кольцевые опоры для башен танков в первое время производили по упрощенной технологии, а затем, когда достроили печной и отделочный пролеты, с полным технологическим циклом²⁰.

Решение о демонтаже бандажного стана, принятое в чрезвычайной спешке первых дней войны, нанесло промышленности и транспорту ощутимый урон. Для устранения последствий этого просчета понадобились, без преувеличения, трудовой героизм рабочих и инженерно-технических работников НТМЗ, а также существенные материально-технические затраты.

Правда, нужно сказать, непосредственные виновники всю жизнь помнили о своей оплошности. «Встречаясь впоследствии с Павлом Ивановичем и вспоминая броневой стан, мы смущенно друг другу подмигивали, – признавался Аристов на склоне лет. – За все остальное нам краснеть не приходилось»²¹.

Толстолистовой стан-труженик после войны еще долгие годы служил на Нижнетагильском металлургическом комбинате. Даже в центре Нижнего Тагила можно было слышать, как без усталости пыхтит его паровая машина. Стан был остановлен только в 1997 г., после чего он стал экспонатом Нижнетагильского музея-завода. Бандажный стан английской фирмы «Дэви» – самый первый объект основного металлургического производства – действует на комбинате и поныне.

Примечания:

- ¹ Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7; Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 96.
- ² Аристов А. Незабываемое // Урал. 1981. № 5. С. 8; Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя»: История трудового коллектива Нижнетагильского металлургического комбината. Свердловск, 1990. С. 148; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 18. Д. 13. Л. 139.
- ³ Аристов А. Указ. соч. С. 8–9.
- ⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 18. Д. 13. Л. 139.
- ⁵ Фоменко А.А. В дни суровых испытаний (1941–1945 гг.) // В строю гигантов. Свердловск, 1966. С. 30; Рябоконь Н. «Одежда» для танков // Тагильский рабочий. 1985. 26 февраля; Васютинский В.Ф. Указ. соч. С. 146–147.
- ⁶ НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116 в. Л. 156.
- ⁷ Рябоконь Н. Указ. соч.; Васютинский В.Ф. Указ. соч. С. 147; ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 63. Л. 17 об.; НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116 г. Л. 28.
- ⁸ Васютинский В.Ф. Указ. соч. С. 147; Рябоконь Н. Указ. соч.
- ⁹ Три столетия «старого соболя». Екатеринбург, 2005. С. 76; Аристов А. Указ. соч. С. 9.
- ¹⁰ НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116-а. Л. 181; Аристов А. Указ. соч. С. 9.
- ¹¹ НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116-а. Л. 136, 153, 164–165.
- ¹² Аристов А. Указ. соч. С. 10; Васютинский В.Ф. Указ. соч. С. 148; Три столетия «старого соболя»... С. 76.
- ¹³ Васютинский В.Ф. Указ. соч. С. 147; Три столетия... С. 66, 76; НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116 г. Л. 84.
- ¹⁴ НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116-б. Л. 46.
- ¹⁵ Там же. Л. 46–47; Три столетия... С. 80–81.
- ¹⁶ НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116-б. Л. 46–47, 77.
- ¹⁷ Там же. Л. 4, 21, 65, 70; Д. 116 г. Л. 105.
- ¹⁸ Рябоконь Н. Указ. соч.; НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116 б. Л. 94, 114–115.
- ¹⁹ Григорьев Н.А. Бойцы глубокого тыла // В строю гигантов. Свердловск, 1966. С. 44; Фоменко А.А. Указ. соч. С. 31; Рябоконь Н. Указ. соч.; Три столетия... С. 96.
- ²⁰ НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116 б. Л. 102; Васютинский В.Ф. Указ. соч. С. 147.
- ²¹ Аристов А. Указ. соч. С. 9.